

STILLP•INT

A MAGAZINE IN THE EYE OF THE STORM

Между законом и его нарушением: Влечение, этика и символическое

Автор: Ричард Б. Киз

Аннотация: Предлагаемый очерк включает в себя выдержки из библейского текста, изложение собственного авторского анализа, толкование текстов по методике Жака Лакана и также с использованием спекулятивной теории. «Между законом и его нарушением» исследует в рамках психоанализа различные взаимодействия между страстным влечением, символическими законами, этикой и предназначением личности. Очерк опирается на личный опыт автора как субъекта психоанализа, но с другой стороны – и как начинающего психоаналитика. Автор ставит формальный опыт над разнообразными способами изложения, которые составляют собой дискурс психоанализа - как метода исследования взаимосвязанных тем и беспокоящих вопросов.

Но я не иначе узнал грех, как посредством закона. Ибо я не понимал бы и пожелания, если бы закон не говорил: не пожелай. Но грех, взяв повод от заповеди, произвел во мне всякое пожелание...

- Послание к Римлянам, 7. 7-8

Закон, как влияющий фактор, занимает особо важное место в психоанализе. Ведь он несет в себе не только свод законодательств, которые регулируют социум, но также и всю систему значащих моментов, составляющих собой символическое начало. Именно насаждение такого «символического» закона позволяет быть собой субъекту, который остро нуждается в чем-либо и оттого желает им обладать. Таково значение печально известного ритуала кастрации, который вводит значимое понятие «третьего». Оно разрывает двусторонние связи в паре «дитя – мать» и позволяет субъекту войти в область символического, а затем и в социальный порядок - уже будучи субъектом неутоленной страсти.

Когда ребенок перерастает приятный ему контакт с матерью и ее телом, и начинает общаться своим языком, он тем самым принимает на себя субъективную роль и становится полноправным членом общества. Но акт кастрации, безусловно, травмирует, и оставляет неизгладимый след в психике субъекта. В понимании психоанализа, закон не определяет собой субъекта. Скорее, это субъект существует в диалектической зависимости от закона. А наше страстное влечение создает динамическое напряжение по отношению к символическому закону. Ведь символический порядок позволяет страсти найти свое выражение в экономике взаимобмена, связанной с половым влечением – либидо. Но при этом, наша страсть постоянно выходит за эти рамки, пытаюсь завладеть запретным или же утерянным объектом. Поскольку этот объект остается недостижим, или даже непознаваем как таковой, он тем не менее подпитывает нашу страсть самим своим отсутствием. Происходит метонимический перенос от одного символа к другому, что дает ход всему трагическому драматизму человеческого существования.

Inside Out (still) - Sarah Khan

Данный очерк и исследует подобную проблематику – то есть, взаимодействие закона, страстного влечения, правонарушений и этики, в нескольких различных плоскостях. Опираясь на мой собственный опыт в области психоанализа, одновременно как его предмета и также как начинающего психоаналитика, я по ассоциации двигаюсь через эти несколько плоскостей. Начиная с изложения отрывка моего собственного аналитического исследования, я перехожу к глубинному толкованию труда Жака Лакана (Jacques Lacan) под названием «*Seminar VII*». В заключение, я остановлюсь на моих собственных теоретических построениях относительно роли символического предназначения личности в психоанализе - когда субъект пытается решить эту головоломку, обуздывая свое влечение рамками закона.

В очерке есть некая основополагающая идея, которая пронизывает его насквозь. Но вдобавок к этой логической последовательности, очерк в разных его частях также использует наложение разнородных, но повторяющихся мотивов и концепций, которые постепенно объединяются в единое целое. В этом смысле, очерк посвящен не только исследованию упомянутых тем через концептуальную призму психоанализа, но он также использует в ходе повествования психоаналитический метод как инструмент. Иначе говоря, это метод письменного изложения (и мышления), который изначально признает динамику напряжения между различными частями психоанализа. То есть, между речью и ее толкованием, поэзией и научно-формальным методом, законченностью и незаконченностью. Рассуждение двигается как путем свободных ассоциаций, так и путем точно выстроенной логической цепочки.
polymorphes pervertissent toute relation naturelle.

ОТРЫВОК ИЗ МОЕГО СОБСТВЕННОГО ПСИХОАНАЛИЗА

Если считать мою первую попытку кастрации неудачной, то вторая моя попытка превзошла всяческие ожидания...

Мой отец был адвокатом и гуманистом. Имея еврейские корни, он являлся человеком книги – то есть закона, или же юридического прецедента. Для него, все благое автоматически было рациональным, и все рациональное – благом. Однако же, отцовский закон оставался у меня не востребовавшимся – пока другой взрослый не дал мне повод воспользоваться им, заодно оставляя глубокие следы на моей коже...

Мой учитель в интернате явно упивался ролью блюстителя закона... с неприличным наслаждением. То был садист, который носил шерстяные гольфы до колена, и к ним сандалии.

В нашей школе-интернате, любые аспекты быта жестко регулировались. Будь то подъем, отбой, вольно, смирно и т.д.

И тем не менее, выдавались промежутки, когда можно было ненадолго улизнуть и предаться наслаждению наедине – мастурбировать в туалете, пойти упрятать какие-нибудь запрещенные предметы в лесу, пошалить со свестниками или просто прыгнуть через забор, чтобы вдоволь побродить по окружающей сельской местности.

Первое время, казалось будто я нарушаю дисциплину как-то по случайности. Просто потому, что мои невинные детские устремления плескались через край установленных в интернате границ. Конечно же, этому последовали внушения и наказания – отправка на дополнительные грязные работы, заключение в карцер или же многочасовые стояния поздней ночью в коридоре нашего корпуса, носом к стене и будучи одетым лишь в ночной халат из дешевой нейлоновой ткани.

Учитель-наставник не упускал случая подловить меня за этими наивными шалостями, чтобы вывести их на всеобщее обозрение. И пристыдить меня за неправильное поведение в глазах установленного там закона, а заодно унижить меня перед другими учениками. Воспитатель специально втолковывал, что мои проступки были не просто нежеланием соблюдать правила, но скорее тут замешана некая фундаментальная проблема моей личности - как моральная, так и духовная. Для него, этот мальчишка был уже отпетый негодник - духовно ущербный, и чрезмерно склонный грешить.

Надо ли говорить, что все это постепенно начало мне нравиться! Ты преступаешь закон и дерзко убегаешь, чтобы в итоге быть пойманным и наказанным, то есть виноватым и униженным. Все эти чрезмерные попытки воспитателя подвергнуть меня законному наказанию, и тем самым дисциплинировать мою заблудшую душу, всего лишь указывали мне путь к приятным развлечениям.

Итак, мне нужно было вначале согрешить (мыслью или поступками), а затем упасть к его ногам... чтобы повторить этот цикл снова и снова, раз за разом.

отца вошел в мое сознание еще глубже, благодаря чрезмерным истязаниям со стороны садиста-воспитателя.

Все, что рационально – это всегда добро по определению, а вот что касается зла, то...

ТОЛКОВАНИЕ ТРУДА ЛАКАНА «*SEMINAR VII*»

Седьмое по счету исследование Лакана, получившее название «Этика психоанализа», часто считают своего рода аномалией в ходе эволюции его учений. Находясь между частями его исследования, посвященными страсти и психологическому переносу, этот седьмой труд в его серии семинаров часто преподносят как переломный этап - на котором Лакан начинает фокусировать внимание на понятии «реального». ¹ Основопологающим моментом данного семинара является критика с позиций психоанализа наслоений аристотелевской этики «счастливого состояния» (*eudaimonia*) в современных исследованиях.

Эти наслоения могут выражаться и наблюдаться, например, в часто слышимых пожеланиях анализируемого пациента к психоаналитику. Просят сделать их счастливыми – то есть, избавиться от симптомов и одолевающих проблем, и по-просту говоря, привести наконец в состояние полного счастья. Если Фрейд вводит понятие бессознательного и стремления (к смерти) чтобы сказать нам одно, то Лакан уводит нас к совершенно другому. Лакан утверждает, что просто не может быть естественного совпадения между тем, что есть благо для субъекта (то есть, для его бессознательного) и тем, что благотворно для индивидуума – не говоря уже о его социальной роли в целом. ²

В результате открытия, сделанного Фрейдом, субъект оказывается следствием расщепления (*spaltung*), то есть он постоянно враждует с самим собой. Это противопоставление выражено в основополагающем разделении сознательного и бессознательного, а в более поздних трудах Фрейда и еще более явно – как дестабилизирующая сила влечения к смерти. Через основополагающее внимание психоанализа к бессознательному влечению (или же либидо), мы попадаем в область «чудовищной аномалии», как называет ее Лакан. Это - полиморфные желания и влечения, которые извращают любые естественные отношения.

По мере того, как «*Seminar VII*» продвигается вперед, Лакан оставляет позади аристотелевское понимание счастья как блага или же *eudaimonia*. Он совершает разворот в сторону двух, на первый взгляд, радикально отличающихся этических систем, возникших после эпохи Просвещения. Речь идет о категорическом императиве Канта и о радикальном либертарианстве Маркиза де Сада. Как пишет Марк де Кесель (Marc de Kesel), эти две системы только кажутся радикально противоположными одна другой. Надо учесть, что они обе возникли как реакция на этический кризис, вызванный переменами в эпоху Просвещения.

В то время, «мораль Аристотеля и мораль христианская оказались в кризисе», так что обе вышеупомянутые системы можно представить как попытку создать новую формальную этику, основанную на рассудке. И в самом деле, системы Канта и де Сада радикально отличаются в своей трактовке блага. Вспомним кантовское *das Gute* (как абсолютное Благо, лишенное всяких патологий) и «принцип удовольствия» у де Сада. И тем не менее, для обоих этих учений является непреложным мощный акцент на формальную логику, где личность обязана действовать в целях реализации своего этического долга. ³

Как объясняет в своей работе «*Eros and Ethics*» Марк де Кесель, затем Кант прибегает к ноуменальному рассудку как к данности, пытаясь привязать свою этическую систему к чему-то выходящему за рамки воспринимаемого, феноменального (ведь оно означало бы «патологическую» концепцию блага). Исследователь пишет: «Не имея привязки в области феноменального, моральный принцип рассудка с самого начала вынужден допускать (или же

постулировать) самое себя, то есть - как чистый ноумен, или как факт».

Таким вот образом, поскольку этическая система Канта (да и де Сада) претендует на формальный рассудок как на единственную отправную точку, обоснование рассудочности как таковой является внешним моментом. Это что-то, лежащее за пределами (закона), то есть это «вещь в себе». Для Канта, эта «вещь в себе» заключается в бессмертной душе, взятой за необходимый постулат. Но это бессмертие души оказывается в конце концов уловлено в трансцендентных проявлениях. При этом в системе де Сада, подобную же роль играет brutally-материалистическая трактовка «естественного начала».

В свою очередь, Лакан здесь прибегает к фрейдовскому понятию *Das Ding* (то есть твари, создания), что есть до-символическое начало «иного». Оно - утраченный объект влечения, находящийся за пределами закона и направляющий стремления субъекта, включая экономику его либидо.⁴ Однако, это «тварное создание» можно осмыслить только при помощи крайне негативных понятий, как нечто непременно находящееся вне закона. Оно служит привязкой к закону, но никогда не может быть оценено, реализовано или даже осмыслено как таковое.

Вслед за Фрейдом, Лакан осознает, что подобное «тварное создание», которое лежит за пределами закона и его ориентирует, имеет свои корни в чем-то бесповоротно запретном – это объект инцеста, фигура матери.⁵ Мы видим здесь запретное благо (или объект влечения), которое обращается в наивысшее зло, благодаря своей позиции целиком вне закона. И действительно, ведь нуждающийся и потому страстно влекомый субъект складывается в процессе прохождения через Эдипов комплекс, когда его подвергают кастрации (и в свою очередь, как символу и как обозначаемому им). де Кесель пишет:

Лишь через нечто запретное, такой объект может генерировать свои влечения и придавать им постоянство. Подобное «благо» становится исключительно запретной «тварью», и в этом смысле оно есть зло по определению.

И на этом этапе, мы наблюдаем один из ключевых уроков в труде «*Seminar VII*». С одной стороны, закон вызывает влечение, акцентируя неимение желаемого, но одновременно он закрывает дорогу к реализации этого желания. Он запрещает обладание утерянным или же запретным объектом, вокруг которого экономика либидо обречена кружить теперь вечно.⁶ В этом смысле, субъект пытается всегда поддерживать небольшую дистанцию с объектом желаний – чтобы всегда был доступ к наслаждению им (*jouissance*), но без непосредственного контакта с ним, который на деле вылился бы в потерю постоянства субъектом.⁷ Таким образом, закон (как запрет на что-то) лежит в основе формирования субъекта (испытывающего страстное влечение). Но закон не просто обуславливает или определяет это влечение, но также и обеспечивает символический порядок вещей, через который правила находят выражение и поддерживаются.

ВЛЕЧЕНИЕ, ЭТИКА И ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ ЛИЧНОСТИ

В определенном смысле, психоанализ является системой этики в той же степени, что и терапия. Как этическая система, он не есть этика благого начала (т.е. счастья), не этика аристотелевского *eudaimonia*, но скорее – это этика неутоленного желания. Этакая этическая программа, в которой подсознательное влечение окутано тайной, и его всесторонне прорабатывают через многообразные психоаналитические интерпретации. В данном контексте, страстное влечение надо понимать в ключе такого лакановского принципа: «*Le désir de l'homme, c'est le désir de l'Autre*». Типичный перевод этой формулировки таков: «Желание человека – это желание Другого». Он подразумевает влечение к этому Другому, и желание быть им признанным.

Как замечает при этом Брюс Финк (Bruce Fink), изначальный вариант этой фразы на французском допускает еще одно толкование – а именно, что субъект испытывает желание, выступая в роли другого. В этом смысле, страстное влечение субъекта не просто его собственное. Ведь это не сгусток истинной субъективности, а скорее нечто, всегда увязанное с другими (с маленькой буквы) факторами – семейными, романтическими, братскими, коллегиальными и прочими. Но оно также увязано и с Другим (с большой буквы) – то есть, с допускает еще одно толкование – а именно, что субъект испытывает желание, выступая в роли другого. В этом смысле, страстное влечение субъекта не просто его собственное. Ведь это не сгусток истинной субъективности, а скорее нечто, всегда увязанное с другими (с маленькой буквы) факторами – семейными, романтическими, братскими, коллегиальными и прочими. Но оно также увязано и с Другим (с большой буквы) – то есть, с символическим порядком, который кодирует участника социума, прибегая к законам, регулирующим взаимоотношения между субъектами. Ведь все мои страстные влечения никогда не принадлежат только мне одному. Начиная от страсти моих родителей, которые зачали и назвали меня, выделив мне место в «отведенном мне дискурсе», вплоть до социума в более широком смысле – с его законами, нормами, культурными и религиозными обычаями.⁸ Наше страстное влечение проявляется через других и через Другое, в чем и заключается его символический порядок.

И в этом контексте, весь процесс психоанализа можно понимать как прорабатывание воображаемых фиксаций и борющихся страстей, которые формируют субъекта и его симптоматику. Вплоть до принятия его «смертного предназначения» - то есть неповторимой уникальности личности субъекта. Здесь принятие собственного влечения не подразумевает какой-то чистой свободы или самостоятельности, но скорее - это признание и воплощение собственной истины, или же личной «доли» индивида в жизни. Таково активное допущение обсуждаемой позиции личности, по отношению к символическому закону. Вот как Лакан подытоживает в своем труде «Seminar II»:

Через психоанализ, субъект познает свою истину. Иными словами, он принимает значимость своего особенного, личного предназначения. Так же, как и принимает те данности, которые строго индивидуальны и потому могут именоваться выпавшей кому-то жизненной долей.

И в самом деле, субъект может прийти до признания исключительной необычности своих влечений только путем принятия своей особой судьбы, которой управляют диалектические отношения с Другим, и с законом (символическим). Как замечает Сантану Бивас (Santanu Biwas), это - героическое и трагическое измерение психоаналитической этики влечения. В лакановской работе «Seminar VII», оно воплощается в персонаже Антигоны. А еще шире, это героическое и трагическое начало воплощено в понятии *até* («преступное легкомыслие или фатальная слепота»). Оно для Лакана обозначает саму разделительную черту между жизнью и смертью.

Здесь мы можем наблюдать одну из наиболее радикальных трактовок возможностей психоаналитического лечения, предложенного Лаканом. При этом подходе, субъект можно специально поместить в конфликт с его символическим предназначением (определенным набором символов, определяющих его бытие), и попытаться реализовать это предназначение. Такая попытка приводит к столкновению с психологической смертью индивида, или с его обездоленностью как субъекта.⁹ Путем такого столкновения, когда возможно создание чего-то нового буквально из ничего, субъект и сможет радикально переобозначить себя, формируя уже новый способ существования в этом мире.

¹ По Лакану, «реальное» является одним из трех значимых регистров сознания (то есть, реальное, символическое и воображаемое). Все три сплетены воедино, что и является собой бытие субъекта. Это «реальное» начало фундаментально осмыслено как некое негативное влияние, которое постоянно нарушает ровное течение личного опыта. Это может быть нормативный разрыв или некое поворотное событие – прим. автора.

² В традиции этики добродетелей, в западном контексте берущей свое начало главным образом от Платона и Аристотеля, благо стоит понимать как конечную цель комплексной этической системы. По Аристотелю, *eudaimonia*, что примерно переводится как «счастье» - это цель (или же благо) всей его этики в целом. Здесь делается допущение, что возможно естественное соответствие между счастьем субъекта и его благом состоянием (или же процветанием). Что, в свою очередь, приводит человека к гармонии с общественным укладом и со всей окружающей природой вообще – прим. автора.

³ Согласно Канту, «Благо, лишенное всяких патологий» - это благо, в котором рассудочное начало полностью удалило любые условные личные желания и психические привязки – прим. автора.

⁴ Лакан усваивает это понятие о *Das Ding* из трактата Фрейда в его до-психоаналитический период, «The Project for a Scientific Psychology». Это понятие Лакан развивает дальше, ориентируясь на его собственную проблематику в труде «*Seminar VII*» - прим. автора.

⁵ По примеру исследований антрополога и структуралиста Клода Леви-Стросса (Claude Levi-Strauss), Лакан усматривает в «табу на инцест» единственный универсальный закон. Все остальные табу у него обусловлены обстоятельствами и зависят от культурного контекста – прим. автора.

⁶ Как показывает Дилан Эванс (Dylan Evans), необходимо уточнить здесь следующее. По Лакану, закон выступает как «юридическая и лингвистическая структура, которая на деле ничуть не меньше самого символического порядка вещей» – прим. автора.

⁷ Термин *jouissance* обычно переводится как «наслаждение» чем-то. Вместе с тем, он выступает как концепция психоанализа, имеющая отношение к взаимодействующим категориям страдания, нарушения правил и повторяемости. Эти оттенки смысла хорошо заметны в исходном понятии *jouissance*, имеющем хождение в языках романской группы. Так например, в его первоначальном значении на французском, *jouissance* имеет явные сексуальные оттенки, а по-итальянски он отсылает к повторяющемуся действию – прим. автора.

⁸ Lacan, Jacques. *The Seminar of Jacques Lacan, Book II: The Ego in Freud Theory and in the Technique of Psychoanalysis 1954-1955*. Translated by Sylvana Tomaselli, Norton, 1991, p. 89. – прим. автора.

⁹ Кажется, что в заключении своей работы «*Seminar VII*», Лакан намекает, будто такая героическая реализация возможностей психоанализа бывает редко. Ведь пациенты, как правило, отвергают или же «предают» необычность своего влечения, и требующийся для этого героизм. Они по-просту возвращаются к участию в «обмене товаров», то есть в более обыденное состояние – характеризующее нормативными способами сублимации себя в угоду общественному порядку – прим. автора.

Biwas, Santanu. "Introduction." *The Literary Lacan*, edited by Santanu Biwas, Seagull Books, 2012, pp. 8-34.

De Kesel, Marc. *Eros and Ethics: Reading Jacques Lacan's Seminar VII*. Translated by Sigi Jöttkandt, SUNY, 2009.

Evans, Dylan. *An Introductory Dictionary of Lacanian Psychoanalysis*. Routledge, 1996.

Fink, Bruce. *Against Understanding: Commentary and Critiques in a Lacanian Key*. Routledge, 2014.

Freud, Sigmund. *The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud, Vol. I: Pre-Psychoanalytic Publications and Unpublished Drafts*. Translated by James Strachey, Vintage, 1953.

Lacan, Jacques. "The Ethics of Psychoanalysis," 1959-1960: *The Seminar of Jacques Lacan: Book VII*. Translated by Dennis Porter, Norton, 1992.

Lacan, Jacques. *The Seminar of Jacques Lacan, Book II: The Ego in Freud Theory and in the Technique of Psychoanalysis 1954-1955*. Translated by Sylvana Tomaselli, Norton, 1991.